

ВЕТЕРАН

ГАЗЕТА
В ГАЗЕТЕ № 20

ПОЧТА «ВЕТЕРАНА»

Здесь царит доброта

Чтобы хоть немного облегчить жизнь пожилых и оказать посильную поддержку бывшим металлургам, работает благотворительный фонд. Этим целям служит и магазин «Ветеран», что появился в новых кварталах. Здесь пока нет изобилия товаров, порой и цены не ниже городских, а все же он привлекает пожилых. В нем чистота и уют, а главное — культурное обслуживание. Здесь вам предложат товар подешевле, помогут выбрать нужную вещь, дадут добрый совет. Хозяйки магазина уважительно и с пониманием выслушивают каждого покупателя. Это говорит о высоком профессионализме продавцов. Хотелось узнать их имена — это Хасанова Альмира, Гриценко Татьяна, Берлизова Надежда, Зиганшина Роза и др.

Я был свидетелем, как долго и терпеливо продавцы подбирали старушке пуховик. И, когда, наконец, она надела обнову, ее лицо осветилось довольствием. Казалось, что от улыбки и морщинки разгладились. С тем же терпением подбирали ботинки старичку, у которого, ясное дело, от старости ступни деформировались.

Коллектив в «Ветеране» подобрался хороший и слаженный. В этом большая заслуга его директора Н. Н. Амитиной и товароведов О. Б. Антипиной. Хорошо, что здесь понимают: их магазин — особенный, потому что покупатели старые, уставшие от трудной жизни люди. Надо ли говорить, что уважение должно быть взаимным, а покупатели вежливы и обходительны.

Хочу в канун Нового года пожелать всему коллективу магазина «Ветеран» больших успехов в работе, обыкновенного человеческого счастья.

С уважением,
М. ФИЛАТОВ.

Кто хочет помочь?

Я как член совета ветеранов посещаю пенсионеров на дому. У меня есть подопечная Тамара Семеновна Кашенко, инвалид 1 группы, одинокая. Она совершенно беспомощна.

Пишу по просьбе Тамары Семеновны: ей нужна для постоянного ухода и проживания с ней одинокая пожилая женщина, желательнее пенсионерка. Как-то в городской газете публиковали ее объявление, но звонила только молодежь.

Если найдется подходящая женщина, которая будет ухаживать за больной, ей достанется квартира.

Звоните по тел. 32-12-60.

Э. БУРОВА.

Тридцать лет прошло

Я ушел на пенсию из КХП ММК в 1961 году. 20 ноября мне исполнилось 90 лет. С юбилеем меня пришли поздравить начальник цеха углеподготовки А. С. Моисеенко, председатель цехкома Л. М. Марачев, председатель совета ветеранов А. Д. Белозеров. Поздравляли, пожелали крепкого здоровья, дожить без зол и бед до ста лет. Были подарки.

Большая вам благодарность за вашу заботу о человеке, старом пенсионере. Спасибо и дай вам Бог здоровья.

ЕТКАРЕВ Михаил Миронович,
ветеран труда и Магнитки.

Кто позаботится о нас?

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишет вам участник трудового фронта, ваш постоянный читатель Елизавета Федоровна Мироненко.

Я инвалид 2 группы по общему заболеванию, так сказать, лежачая больная. Вы связаны с советом ветеранов, профкомом, дирекцией. Подскажите бы им, чтобы они не забывали поддерживать неходящих инвалидов. Хотя бы морально. А то слушаешь радио, или в газете читаешь, как поздравляют пенсионеров, устраивают им вечера и встречи. И, получается, все для тех, кто на ногах. Они в состоянии навещаться в свои цехи, им ежегодно дают путевки в дома отдыха. А

для таких, как я, как по пословице: под лежачий камень и вода не течет. Хотя бы по телефону когда из цеха поздравили с праздником, и то было бы отрадно, что тебя еще помнят.

Я 42 года отработала на производстве, двадцать лет — в эмалицехе. Сейчас работников старых уже не осталось, да и руководители все новые. Молодым не до нас. За все годы труда я не получила ни одного замечания, только благодарности. Вела общественную работу. Да и в своем микрорайоне, хотя уже ходила с палочкой, 13 лет была членом товарищеского суда и домового комитета.

Много в жизни пришлось испытать. Жила с детьми вблизи Тоцкого артополигона в Оренбургской области, где в сентябре 1954 года испытывали атомную бомбу. А потом убирала уцелевшие дубы на топливо. Мы ведь тогда ничего не знали о радиации. Нам говорили, что бомба эта не вредная. Это только американская вредная. О Хиросиме и Нагасаки знает весь мир, а о Тоцком полигоне заговорили только в 1990 году. Мы не числимся жертвами Чернобыльской катастрофы и аварии на «Маяке».

Да, ладно, что было, того не вернешь. И здоровье тоже.

Извините за сумбурное письмо. Успехов вам в вашем повседневном труде. Вы в какой-то мере оказываете помощь нам, больным и немощным людям.

2 декабря 1994 г.

Давайте разберемся...

Я проработала на комбинате 42 года, из них 25 лет в управлении трамвая. Всю войну работала на военном заводе, в ново-токарном цехе. Награждена медалью за доблестный труд во время войны. И никаких льгот. Сейчас я инвалид 1 группы по общему заболеванию, неходячая больная. Поэтому не имею никаких льгот, так сказать, второй сорт.

Обратилась в управление трамвая, чтобы выписали «Магнитогорский металл», отказали — не положено.

С 1 ноября благотворительный фонд «Металлург» ввел платное обслуживание одиноких пенсионеров. Хотелось бы знать, что это: указ или закон правительства? Куда будут уходить деньги, заплаченные пенсионерами за эти услуги? Вот что по этому случаю говорят.

Первое. За наши деньги, якобы, будут закупать подарки, чтобы поздравлять пенсионеров с днем рождения. Так мы ведь и сами можем купить, что надо.

Второе. Деньги предназначены тем пенсионерам, кто мало получает. А я-то при чем? В чем я виновата, что у некоторых маленький стаж? Я что, должна их содержать?

Уплатила я за обслуживание 11 тыс. 700 рублей, а ведь мне нужно купить и картошки, и масло, и хлеб, и сахар, молоко, одежду... Хотелось бы знать, справедливо ли такое решение?

М. КОСТЕНКО.

Разъяснение корреспондента

Наша газета постоянно информирует читателей, откуда берутся средства благотворительного фонда «Металлург». Для вас, уважаемая Мария Максимовна, и для тех, кто до сих пор не понял, поясняем еще раз.

Благотворительный фонд, созданный в поддержку пенсионеров АО ММК, действует не по указу «сверху». Не существует также специального закона, который бы обязывал дирекцию комбината материально помогать бывшим работникам. Социальная защита своих граждан — прямая обязанность государства, на которое они работают. Пенсия — одно из средств этой защиты. И не комбинат виноват, что пенсионеры не могут прожить на такие деньги. Эта претензия, скорее, к правительству, устанавливающему размер пенсионного пособия.

Деньги, которые ежемесячно поступают на счет благотворительного фонда «Металлург», акционерное общество ММК выделяет из своего бюджета по своей доброй воле из средств, зарабатываемых ныне работающими металлургами. Размер этой помощи зависит от финансового положения комбината. Сегодня, как известно, оно не из лучших. Поэтому и возникла необходимость перехода на платные услуги для пенсионеров, получающих повышенную пенсию.

Цель такого нововведения — сократить затраты благотворительного фонда. Как видите, малоимущих одиноких стариков «содержать» будут, как выражается М. М. Костенко, не пенсионеры, вносящие минимальную плату за оказываемые им услуги, а тот же комбинат и другие организации, входящие в соучредители благотворительного фонда «Металлург».

Н. БАРИНОВА.

НА КОНКУРС «50 лет ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»

Г. АБРАМОВ

Три урока войны Урок второй: «дезертир»

Продолжение. Начало в номере
от 24 ноября т. г.

... Умерла наша бывшая классная, учительница немецкого языка Елизавета Карловна. Это была тощая особа в пенсне, с узким лицом и крупным с горбинкой носом. Носила она неизменный черный костюм с длинной юбкой и всегда накрахмаленную белую блузку. На вид — типичная классная дама, но добрейшей души человек. Своих учеников она звала уменьшительно-ласкательными именами: Ванюшка, Ганюшка, Коленюшка. Не помню случая, чтобы она кому-то ставила «неуд». Если была кем-то недовольна, переходила на «вы»: «Ви, геноссе Качанов, плехо знаете урок. Очень Вас прошу выучить, пожалуйста».

Все свои теплые вещи Елизавета Карловна сдала для подарков фронтовикам. С моей мамой они были приятельницами. Когда та увидела, что натворила Елизавета Карловна, связала ей носки-следы, распутив старые варежки. Но и их учительница отдала для отправки на фронт.

Работали мы по десять часов, и я иногда не ходил домой. Спал то в раздевалке, то в комнате комсомола. Однажды после очередной длительной отлучки пришел домой, и мама со слезами на глазах сообщила горькую весть о кончине моей бывшей классной учительницы. Оказалось, кто-то выкрал из портфеля Елизаветы Карловны все ее хлебные карточки и деньги. Об этом она никому не сказала. Нашли ее дома, лежащей на стареньком диване с укутанными в байковое одеяло ногами. Была она в своем неизменном строгом костюме с накрахмаленным белым воротничком и в белых носочках. Похоронили нашу славную Елизавету Карловну в общей могиле на левобережном кладбище. Сколько там покоится таких вот невинных людей, одному богу известно.

Лето 42-го было странным: дожди сменялись ураганами и жгучим солнцем. Кожа от картошки, которую мы посадили в низине в районе бывшего аэропорта, дала хорошие всходы, и мы радовались, что зиму будем с картошкой. Но, увы, посадка смыло потоками воды. Зато редька выросла на славу. Что и говорить, мы оказались в тяжелом положении.

Мама работала в госпитале на Ежовке старшей операционной сестрой у главного хирурга Писаренко. Иногда она приносила из столовой объедки от раненых, чтобы как-то поддержать мои силы. У меня к тому времени была повышенная кислотность с признаками язвы желудка, и я буквально таял на глазах.

Шли бои за Сталинград. После Москвы это были самые тяжелые дни. Нас снова перевели на 8-часовой график. На сменно-встречных собраниях коммунисты призывали усилить помощь фронту займами, записываться в Уральский танковый корпус, добровольные ополчения, сдавать теплые вещи фронту... Я, как группкомсорг, тоже подал заявление на фронт. Большинство из нас было «на брони» и вырваться было очень трудно. Хотя и были исключения.

Как-то после смены пришел я домой, и мама со слезами на глазах подала повестку. Предъявлялось явиться в военкомат с вещами к 16 часам. Сколько было наставлений, слез, причитаний! И вот я на перроне вокзала: построение, команда и мы — в вагоне. Заплаканная мама все махала мне рукой, пока не скрылась из вида. Поезд увозил нас в неизвестность. Я впервые уезжал из города, и мне было все интересно. За окном мелькали столбы, огоньки, дома...

На первой же остановке нам велели выходить с вещами. Построили, стали вызывать по фамилии. Все названные делали три шага вперед. Остальных вновь погрузили в вагоны, а нашу группу повели в здание станции. Я терялся в догадках, куда нас направят, может, в военное училище? Тут остановился пассажирский поезд и нам велели грузиться в вагоны. И снова за окнами огоньки, столбы, неизвестность. Под утро поезд остановился и мы стали выходить из вагонов. Я не поверил своим глазам — мы снова были в Магнитогорске.

В здании вокзала на этот раз построили по цехам. Было много начальства и среди них наш начальник цеха Густав Карлович Лаур. Лаур подошел к нашей группе и, не здороваясь, сказал: «Идите работать. После поговорим». Не заходя домой, я вышел на работу в свою бригаду. Часов в двенадцать ко мне подошел бригадир Черненко:

— Тебя вызывают к начальнику цеха.
— Зачем?
— Там узнаешь. Иди.
— А как же работа?
— А что работа? Ты же о ней или о нас не думал, когда уезжал.

Войдя в приемную, увидел Лаура. Он стоял ко мне спиной и с кем-то горячо разговаривал. Потом с силой бросил трубку и повернувшись ко мне рявкнул:

— Ах ты паршивец! Я тебе покажу фронт! — Сотряса кулаками у моего лица, продолжал осыпать бранью: Стервец! Сопляк! Да как ты посмел!

Я никогда не видел нашего начальника таким злым и неприятным. Мне показалось даже, что на его губах выступила пена. — «Иди», — указал он мне толстым волосатым пальцем на дверь, ведущую в его кабинет. Слышал, что Лаур слыл грубым, мог любого, не взирая на личность, осадить, оскорбить и даже унижить. Он редко улыбался, обычно был спокоен. Смеялся ли он вообще, не знаю. Сейчас же был просто страшен. Он сам открыл передо мной дверь кабинета. В конце продолговатого стола сидел мужчина в гимнастерке. На спинке стула висела шинель. Сидевший посмотрел на меня и спросил:

— Ты кто?
Я назвал свою фамилию.
— Проходи, садись вот сюда. Теперь выкладывай: кто, что, кем работаешь, все анкетные данные.

Он слушал, что-то думал, потом спросил, какой у меня разряд. Я ответил.

— Девятый? — переспросил. — А сколько ты учился, чтобы иметь такой разряд?

— С августа сорок первого...

— А куда за это время немец дошел? Правильно, до Сталинграда. Теперь представь себе, что мы всех, кто имеет 8, 9, 10 разряды, снимем и пошлем на фронт. Остановим доменные печи, токарные станки, литейные машины, прокатные станы, кузнечные прессы — все, что работает для фронта. Нам надо будет готовить новых специалистов. Куда, думаешь, Гитлер дойдет за это время?

— Не знаю...
Он перегнулся через стол и выдохнул мне в лицо:

— Зато я знаю! Он будет здесь, на Урале! Усек?! Что молчишь? Усек или нет?

— Не я же виноват, что Гитлер дошел до Волги.

— Верно, не ты. Видишь, и не я, — он показал левую без кисти руку. — История рассудит, кто виноват. Тебя позвали сюда не для дискуссии, а чтоб понял, что твои действия не соответствуют положению момента. Врага нельзя пускать через Волгу. Это будет катастрофа.

Мы оба помолчали.

— Читай! — Он указал на висящий на стене плакат.

— «Все — для фронта, все — для победы», — прочитал я.

— Читай с выражением!

Я вновь прочитал «с выражением».

— Не так! Слушай, как надо читать: Все!!! — для фронта. Все!!! — для победы. Есть разница?

— Ну, есть.

— Не «ну», а есть! Заруби себе на носу: главное в этом воззвании слово «все», в том числе и твоя жизнь. А тебе — ничего. Подумай: на фронте в первом же бою тебя убьют, и пользы от тебя никакой. Нам дешевле поставить тебя к стенке здесь, чем везти, как балласт, в такую даль. Иди работай и не рыпайся больше. А то ведь, не ровен час, и трибунал можешь схлопотать.

— Не я же себе, в конце концов, повестку написал, — попытался я оправдаться.

— Также верно. С тем, кто ее написал, разговор будет особый. А тебе тоже пора разбираться, где твое место в это тяжелое время. Иди и больше не вздумай своевольничать — опасно для жизни. А разговор наш должен остаться между нами.

Вернувшись на рабочее место, я от вопросов товарищей увиливал, как мог. Один Черненко ничего не спрашивал. Будучи секретарем партбюро сортпрокатного цеха, он знал все.

Мама была бесконечно рада, что меня вернули «с фронта». Я ей так и не признался в том, какая опасность нависла было надо мной за то, что я вздумал «облегчить» свою жизнь.